

УДК 81.00

Десять контекстов слова «советский» в книге В.И. Новикова «Александр Блок»

В.П. Даниленко

Иркутск, Россия
danilenkof@yandex.ru

Статья поступила 14.01.2014, принята 28.02.2014

В статье автор прослеживает контексты прилагательного «советский» в книге одного из неутомимых антисоветчиков с точки зрения лингвистики.

Ключевые слова: литература, контекст, прилагательное, советское литературоведение, Советская власть, советская культура, народ, интеллигенция.

Ten contexts of the word *soviet* in the book «Alexander Blok» by V.I. Novikov

V.P. Danilenko

Irkutsk State Linguistic University; 8, Lenin St., Irkutsk, Russia
danilenkof@yandex.ru

Received 14.01.2014, accepted 28.02.2014

The contexts of an adjective «soviet» in the book of one of the tireless anti-Soviet writers from linguistic point of view have been researched in the article.

Keywords: literature, context, adjective, Soviet literary critics, Soviet power, Soviet culture, people, the intelligentsia.

Передо мною две книги об Александре Блоке – А.М. Туркова (1969) и В.И. Новикова (2010). Обе из серии ЖЗЛ. Первая – советская, вторая – антисоветская. Я выбрал вторую.

Знаю, что говорить с новиковыми совершенно бессмысленно. Как с сектантами. Они оглашенные (оглушенные, оглоушенные). Язык в общении с ними теряет свою главную функцию – коммуникативную. Я и не собираюсь с ними говорить. Я не для них здесь пишу, а для осуществления замысла – проследить контексты прилагательного «советский» в книге одного из неутомимых антисоветчиков. У меня исключительно лингвистическая цель.

Александра Александровича Блока (1880 – 1921) я люблю, как своего родного брата. Как мне его не любить, если его строчки греют мою душу на протяжении всей моей

сознательной жизни? Со студенческих лет в моей голове крутятся, например, такие строчки из «Возмездия»:

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь...

Я всю жизнь думал о смерти. Теперь, после смерти жены, я думаю о ней по А.А. Блоку, воспринимая ее, как «старинное дело свое»:

Что же, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое, –
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

Как же я мог пропустить новую книгу об авторе этих строк? Купил. Не жалею. Узнал много нового. В особенности об интимной стороне его жизни – переживаниях, связанных с Ксенией Садовской, Любовью Менделеевой-Блок, Натальей Волоховой, Любовью

Дельмас и др. А со стороны жены – Андрей Белый, Константин Давидовский (отец Мити, который прожил всего неделю), Георгий Чулков, Дмитрий Кузьмин-Караваев и «какая-то, – как сказал ее муж, – уж совсем мелочь» [Новиков, 2010, с. 229].

Но самое главное – описание интимной стороны жизни А.А. Блока в книге В.И. Новикова перемежается с анализом его стихов и даже прозы. Иногда очень удачно и очень тонко. Возьму, например, такой фрагмент из этой книги: «Блоковская критика человеческой природы еще беспощаднее (чем у А.С. Пушкина. – В.Д.):

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

...Друг – это все-таки *другой*. Блоку уже не нужны спутники (в 1916 г. – В.Д.). Он свое дело сделал, ему предстоит скорая встреча с великими предшественниками, от современников же пора отгородиться. Последняя строфа – разговор только с самим собой:

Ты – железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

(«Ты *твердишь*, что я холоден, замкнут и сух...»)

Что значит «до времени»? До конца земной жизни. А какой «рай» охраняет поэт своей холодностью и сухостью? Обиталище праведников? Или – скорее – рай своей души, который поймут и оценят люди будущего? Если смогут из «бедных зверей» и «безумных рабов» превратиться в людей [Новиков, 2010, с. 288-289].

Ненавязчиво! Предположительно! Дипломатично! Ему бы не в филологи пойти, этому В.И. Новикову, а в дипломаты. Но как только дело доходит до прилагательного «*советский*», его дипломатичность исчезает моментально. Будто ее корова языком слизывает. Ни одного доброго слова о Советской власти, которая его взрастила, вскормила и в люди вывела, и никакого – о теперешней!

Вот что мы можем узнать о В.И. Новикове из «Википедии»: «Владимир Иванович Новиков (род. 1948, Омск) – российский литературный критик и прозаик. Доктор филологиче-

ских наук (1992), профессор кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ».

Ему уже за 60, а стало быть, большую часть своей жизни он провел в условиях советского тоталитаризма, которому он по преимуществу и обязан своей карьерой: «Закончил филологический факультет МГУ (1970) и его аспирантуру. Работал учителем в средней школе (1973-1975), в НИИ национальных школ (1975-1978), в журнале «Литературное обозрение» (1978-1983), консультантом правления СП СССР (1983-1987), доцентом, затем проректором Литературного института по научной и учебной работе (с 1990), обозревателем «Общей газеты» (1994-1996). Преподавал на факультете журналистики МГУ (1981-1987 и с 1995) и в Литературном институте, в университетах Австрии, Германии, Франции и Швейцарии. Член СП СССР (1988). Лауреат премий журнала «Литературное обозрение» (1986)».

Да и большую часть книг (о В. Каверине – 1986; о Ю. Тынянове – 1988; о пародии – 1989; о В. Высоцком – 1991) В.И. Новиков написал в условиях той самой власти, которую без устали он поносит в книге об А.А. Блоке к месту и не к месту. Революцию 1917 года он расценивает как начало новой эры в истории России. Но какой? «Говорить о справедливости случившегося с Россией будет явной ложью, остается говорить о неизбежности, о необратимости исторического процесса. Кончилась эра человечности, пора отказаться от иллюзий гуманизма и осмыслить новый мир в новых философских категориях» [Новиков, 2010, с. 324]. Он пишет эти слова как бы от лица А.А. Блока, но еще больше он пишет их от себя лично.

Анализируя слова А.А. Блока о том, что будущее принадлежит человеку-артисту, В.И. Новиков начинает петь самую любимую песню всех антисоветчиков – про репрессии: «...“формированием нового человека” (в ином смысле) занялся тоталитарный режим. При этом “новый человек” активно занялся моральным и физическим истреблением ярчайших представителей разновидности “человек-артист” (перечисляются: Мейерхольд, Мандельштам, Бабель, Хармс. – В.Д.). И судьба каждого – опровержение всех утопических мечтаний» [Новиков, 2010, с. 326].

Спору нет: нет оправдания людям, которые уничтожили Н.И. Вавилова, искорежили жизнь Н.А. Заболоцкому и др., но лучше уж совсем ослепнуть, чем видеть в советском времени одни репрессии, но на этом еще и не успокаиваться и списывать на сталинское прошлое все беды постсоветского времени. Хорошо ответил этим неугомонным в своей передаче «Постскриптум» Алексей Пушкин: «Не сталинское прошлое мешает преодолеть сегодняшнюю чудовищную коррупцию. Не сталинское прошлое виновно в нынешнем чудовищном социальном размежевании. Не сталинское прошлое является причиной убогого состояния правоохранительной системы. Не сталинское прошлое виновато в трагедии станицы Куцевской. Не сталинское прошлое привело к тому, что народ продолжает вымирать. Не сталинское прошлое виновато в том, что мы так и не можем слезть с нефтяной иглы. Это все черты не 30-х годов, а нынешнего времени. Времени Путина и Медведева, Федотова и Караганова». Но я забыл о главном – о контекстуальном анализе.

Контекст № 1. На стр. 212-й В.И. Новиков приводит такой пассаж из статьи А.А. Блока «Интеллигенция и революция» (9 января 1918 г.): «Почему дырявят древний собор? – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господина показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью.

Все – так.

Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают.

Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое – отвечаем мы? Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? – Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать “лучшие”».

У В.И. Новикова дальше следует: «Этот пассаж в советское время многократно цитировался как убедительный аргумент в поль-

зу революции, осененной поэтическим авторитетом Блока. Но теперь, когда этой революции (все чаще именуемой “октябрьским переворотом”) без малого сто лет, когда известны все ее роковые и во многом непоправимые последствия, нельзя не видеть, что публицистические гиперболы Блока вступили в непримиримое противоречие с реальностью, а его социально-исторические оценки событий ни в малейшей степени не подтвердились» [Новиков, 2010, с. 213].

Что за «публицистические гиперболы»? Насчет попа, что ли, или насчет девок? Какие же это гиперболы? Это литоты. А какие «его социально-исторические оценки событий ни в малейшей степени не подтвердились»? Его оценки отношения взбунтовавшегося народа к своим господам?

То, что нам А.А. Блок поведал про попов да девок – пустяки по сравнению с тем, что нам рассказал, к примеру сказать, М.М. Зощенко в «Голубой книге»: «Прошлая жизнь, согласно описанию историков, была уж очень, как бы сказать, отвратительно ужасная. То и дело правили какие-то кровавые царьки, какие-то в высшей степени, пес их знает, свирепые тираны, владетельные господа, герцоги, потомственные дворяне, бароны и так далее. И все они, конечно, делали со всей публикой чего хотели. Отрезали языки у тех, которые болтали не то, чего надо. Сжигали на кострах, если, например, человек высказывал собственные научные или религиозные мысли. Кидали для потехи диким зверям и крокодилам. И вообще без зазрения совести поступали как хотели. И от всех этих дел публика, наверно, нравственно ослабла. И характеры у них отчасти испортились. У них, может, озлобился ум. И они стали ко всему приноравливаться, и с течением веков через это, может быть, произошли коварство, арапство, подхалимство, приспособленчество и так далее и тому подобное, и прочее» [Зощенко, 1996, с. 139].

У А.А. Блока разграбили Шахматово, а он оправдывает своих грабителей. Подобное чувство социальной справедливости В.И. Новикову и не снилось. Он так здесь распинается: «Так с виду красивая, но по сути своей ложная идея об “избирательной” ответственности за прошлое... привела Блока-

публициста к безумно бесчеловечным суждениям» [Новиков, 2010, с. 213].

Автор этих нелепых обвинений не чувствует никакой ответственности за маразм, в котором еще трепыхается наша страна. Ему бы у Александра Александровича поучиться.

Контекст № 2. «Советские литературоведы старательно выуживали из блоковских дневниковых записей сочувственные высказывания о большевиках и Ленине, фразы в поддержку революции» [Новиков, 2010, с. 292].

А зачем их выуживать? Есть «Интеллигенция и революция» и есть «Двенадцать». А дневники – для узкого круга избранных. Вам мало, например, такого призыва: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию» [Блок (5), 1971, с. 406]?

А из дневников можно выудить и такой приговор интеллигенции: «Как буржуи, дрожите над своим карманом» [Блок (6), 1971, с. 321]. Так на чьей же стороне был А.А. Блок? Не на Вашей.

Контекст № 3. Очень щекотливая ситуация: на стр. 295-й В.И. Новиков довольно старательно приводит антисемитские высказывания А.А. Блока (например, «Тоска, хоть вешайся... Жиды, жиды, жиды...»), а на следующей странице В.И. Новиков пишет: «В советское время при обсуждении дневника и записных книжек Блока подобные пассажи подвергались сокращению, и некрасивые слова устранялись». А Вы против?

Контекст № 4. «Воспевание революции? Как в 1918 году критик-большевик Осинский напишет статью «Интеллигентский гимн Октябрьской революции», так эту песню будет тянуть советское литературоведение семьдесят с лишком лет. Двустипшие «Революционный держите шаг, / Неугомонный не дремлет враг!» упорно вырывалось из контекста, а Христос при помощи несложных идеологических уверток объявлялся «первым революционером» и «социалистом»» [Новиков, 2010, с. 309].

А для кого А.А. Блок писал свою поэму? Для литературоведов или революционных масс? Литературоведы – народ ненадежный: сегодня – одно, а завтра – другое. А для многих из тех, кому А.А. Блок адресовывал свою поэму «Двенадцать», Иисус Христос – символ правды. Вот почему он и оказался впереди красноармейцев.

Контекст № 5. О Евгении Книпович, написавшей воспоминания об А.А. Блоке: «... «советский» акцент в речи мемуаристки» [Новиков, 2010, с. 317].

Антисоветский – лучше? Своевременнее? Вот и автору «Несвоевременных мыслей» своевременно от Вас досталось: «Откуда у Горького такая злость – вплоть до потери контроля над словом?.. Это еще вопрос, кто на самом деле жаден до славы (и умеет ее добиться в мировом масштабе, манипулируя политическими темами как игровыми приемами), чьи философские потуги часто превышают реальный масштаб таланта» [Новиков, 2010, с. 154].

Откуда у В.И. Новикова такая злость – вплоть до потери контроля над словом? Видно, чувствует, что силы не равны.

Контекст № 6. «Зинаида Гиппиус и устно, и письменно высказала немало резких слов по адресу автора «Двенадцати», но называть это «травлей», как было принято в советское время, не вполне адекватно» [Новиков, 2010, с. 321].

З. Гиппиус не отличалась особой нравственной чистотой. Она даже в своих воспоминаниях об А.А. Блоке («Мой лунный друг») сумела оболгать своего «лунного друга». «А вот Блок, – читаем у нее, – в последние годы свои отрекся от всего (и от своей лирики? – В.Д.)... Поэму «Двенадцать» возненавидел, не терпел, чтоб о ней упоминали при нем» [Гиппиус, 1991, с. 41].

А.А. Блок настолько «возненавидел» «Двенадцать», что в последний год своей жизни писал в своем дневнике (17 января 1921 г.): «Научиться читать “Двенадцать”. Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда...» [Блок (6), 1971, с. 375]. Чего не сделаешь ради куска хлеба? Вы плохо знаете А.А. Блока.

Контекст № 7. О Юрии Анненкове: «...почувствовав свою внутреннюю несовместимость с советской властью и советским искусством, художник в 1924 году едет в Венецию на выставку, станет «невозвращенцем» и оставшуюся жизнь проведет в Париже» [Новиков, 2010, с. 322].

В Париже Юрий Павлович Анненков (1889 – 1974) проживет еще целых 50 лет! Он подарит нам не только прекрасные портреты своих современников (в том числе по-

смертный портрет истощенного А.А. Блока), но и замечательную книгу «Дневник моих встреч. Цикл трагедий». Большая часть этих воспоминаний – о русских людях, хотя в России он прожил только 35 лет из 85. Духом он жил больше в России, чем во Франции. Подзаголовок к его воспоминаниям касается в первую очередь их автора.

Вот какие печальные строчки мы можем прочитать в мемуарах Ю.П. Анненкова: «Последним словом, которое я услышал от Блока накануне его последней поездки в Москву весной 1921-го года, было:

– Устал.

В конце июля 1921 года прибежал ко мне Алянский и сообщил, что Блок теряет рассудок, и что положение его безнадежно. Седьмого августа Блок скончался. Через час после его смерти пришло разрешение на его выезд за границу. Говоря со мной однажды о смерти, Блок назвал ее тоже “заграницей”, той, “в которую каждый едет без предварительного разрешения”» [Анненков, 1990, с. 93].

Контекст № 8. «...С официальной советской литературой, для которой “исторический оптимизм” станет одним из фундаментальных постулатов» [Новиков, 2010, с. 325]. Нам его теперь заменили даже не на «исторический пессимизм», а на бодрыйяровский «конец света». Вас это устраивает?

Контекст № 9. Об Александре Кропоткиной (престарелой дочери известного ученого и теоретика анархизма П.А. Кропоткина): «Все, что советская власть принесла человеку, – это возможность бесплатного сожжения его трупа. “Советское” ассоциируется со смертью, а воплощением жизни предстает женщина из древнего княжеского рода» [Новиков, 2010, с. 343]. Все эти сомнительные умозаключения автор вывел из такого шуточного четверостишья А.А. Блока:

Вдруг – среди приемной советской,
Где «все могут быть сожжены», –
Смех, и брови, и говор светский
Этой древней Рюриковны.

Контекст № 10. «Символический поступок: в советский Новый год я сломал конторку Менделеева», – записывает Блок 31 декабря 1919 года. Под “советским” он имеет в виду новый календарный стиль... Но характерно,

что эпитет “советский” Блок никогда не употребляет в положительном или хотя бы нейтральном смысле. Это слово символизирует зло, разрушение, несовместимость с культурной традицией» [Новиков, 2010, с. 329].

Это для Вас, Владимир Иванович, это слово символизирует зло, а не для А.А. Блока. Отсюда следует, что его антоним для Вас – символ добра. Вот до чего может довести человека слепая ненависть ко всему советскому!

На стр. 175-й В.И. Новиков спрашивает: «В чем сущность русского интеллигента как такового, каковы признаки того синтетического явления, которое именуется русской интеллигенцией?», – и отвечает: «Они, на наш взгляд, таковы. Постоянная философско-религиозная рефлексия. Критическое отношение к власти предрержащим. Неотвязная дума о страдающем народе. Эстетическая искушенность... И, наконец, беспощадная самокритичность, наглядный пример которой явил Александр Блок».

Все перечисленные признаки русской интеллигенции в той или иной мере характерны для А.А. Блока. А в какой мере они характерны для человека, их сформулировавшего? Если оставить в стороне первый и предпоследний, то мы увидим, что в своей книге абсолютно ни разу он не высказал «критического отношения к власти предрержащим» – не к тем, которые были после 1917 г., а к тем, которые появились в 1991 г. Не обнаружим мы у него и «неотвязной думы о страдающем народе» – ни до 1991 г., ни после. О какой же «беспощадной самокритичности» в таком случае по отношению к нему может идти речь?

Литература

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М.: Сов. композитор, 1990. 344 с.
2. Блок А.А. Собр. соч. в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 5. 560 с.
3. Там же.
4. Гиппиус З. Живые лица. Л.: 200 с.
5. Зоценко М.М. Голубая книга. М.: Рус. кн, 1996. 336 с.
6. Новиков В.И. Александр Блок. М.: Мол. гвардия, 2010. 366 с.